

А. С. Емельянов

Депопуляция сельского населения как одна из форм социально-демографического кризиса в Ярославском Нечерноземье

Что за удивительная местность – Ярославская губерния! Сколько исторических воспоминаний на каждом шагу, . . . сколько жизни и деятельности, . . . сколько предприимчивости в крестьянах!

И. С. Аксаков

Эти слова российского чиновника, по долгу службы изъездившего вдоль и поперёк землю Ярославскую, взяты в качестве эпиграфа не случайно. Именно такой представала ярославская деревня перед впервые её видевшими государственными служащими, священниками, купцами, просто путешествующими людьми в девяностые годы XIX века.

Последнее десятилетие уходящего столетия являет собой полную противоположность ситуации начала XX века. Анализ данных облкомстата ни по одному параметру не показывает положительных сдвигов. Находясь в центре России, Ярославская область фокусирует весь спектр демографических процессов от прошлого к настоящему. 11 марта 1936 года из Ивановской промышленной области, согласно центральным директивам, была выделена Ярославская область. Проведенное нами исследование с момента ее образования по настоящее время показывает, что область, как и в целом Российская Федерация, быстро втягивается в демографический кризис. Особенно рельефно эта ситуация проявляется в сельской местности. Новые демографические реалии, происходящие в российском селе, наглядно отражаются в одном из её 89 субъектов, составляющих историческое ядро страны.

Попытка нарисовать картину рассматриваемых явлений связана с рядом причин. Во-первых, это касается программы обеспечения населения области и перерабатывающей промышленности продовольствием и сельскохозяйственным сырьём. Изменение экономической ситуации в стране поставило перед гиперурбанизированной Ярославской областью проблему самообеспечения продукцией растениеводства и животноводства. Во-вторых, в области активно разрабатывается программа въездного “зелёного” туризма, ориентирован-

ного прежде всего на сельскую местность. Экологический, или “зелёный”, туризм как порождение урбанизации, несмотря на существующие экономические проблемы, набирает силу в России. Ярославский регион в определённой мере также представляет коммерческий интерес для индустрии туризма. Значительный природно-культурный потенциал, составляющий более 9 тыс. архитектурно-исторических объектов различной степени сохранности, живописные водные объекты, болотные комплексы являются целью преимущественно неорганизованного туризма. К сожалению, в этих программах в должной мере не учитывается демографический фактор. Обе программы рассчитаны на участие в их реализации прежде всего трудовых ресурсов села. Однако их качественный состав нельзя признать удовлетворительным: прежде всего на селе значительная доля лиц послетрудоспособного возраста, низок уровень профессиональных знаний или их нет. А программа развития турбизнеса ориентирована на использование экономически активного населения молодых возрастов, владеющего определёнными профессиональными навыками или способного к их восприятию.

Группировка сельских поселений по численности населения

Таблица 1

	1959 г.		1998 г.	
	всего поселений в % к итогу		Всего поселений в % к итогу	
	8162	100	5101	100
из них с числом жителей				
5 и менее	424	4,9	1544	30,3
6–10	467	5,4	869	17,0
11–25	1529	17,8	1232	24,1
26–50	2372	27,5	662	13,0
51–100	2347	27,3	332	6,5
101–200	1111	12,9	198	3,9
201–500	301	3,5	171	3,3
501–1000	44	0,5	52	1,0
1001–3000	–	–	14	0,3
3001–5000	1	0,0	8	0,2
Число поселений без населения	–	–	1100	–

По данным облкомстата. Ярославль, 1998 [10]

Поверхностный взгляд на развитие рассматриваемых явлений создаёт ошибочное представление о стабилизации сельского населения. Действительно, с 1993 г. доля сельского населения по отношению к городскому увеличилась с 18,0 до 20,1%, а в абсолютных показателях

телях с 268 до 281 тыс. чел. Эти процессы протекают практически по всем административным районам. Так, с 1959 по 1999 гг. удельный вес сельского населения в общей численности увеличился с 57,0 до 100% в Большесельском и с 66,2% до 100% в Переславском районах. Выросло и число сельских поселений людностью от 3 тыс. чел. до 5 тыс. чел. (1939 г. – 2; 1999 г. – 9) [10].

Но это лишь показатели статистики, которые позволяют, где требуется, выдавать желаемое за действительное. Как говорится, “гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить”. Если сопоставить статистические данные структуры поселений, то по сути проявляется одна из форм глубокого демографического кризиса.

За этими сухими колонками цифр история деформации, разложения села. Очень больно видеть, путешествуя по земле Ярославской, пустые глазницы окон, сохранивших порой выразительное узорочье наличников, почерневшие, разошедшиеся срубы изб, заброшенные колодцы, заросшие бурьяном в рост человека дворовые постройки. От какой стихии бежали здешние люди, породив мерзость запустения кладбищенских погостов и сельских храмов? И географическая карта – спутница, обещая встречу с отмеченным сельским поселением, разочаровывает своей очередной недостоверностью. Разбитый бесстолпный храм “золотого” XVII века ярославской школы зодчества со скальпированной главой и остатки крестьянских строений, разобранных дачниками на дрова, встречают нас. А на крупномасштабной карте всё ещё значится гирлянда поселений, “нанизанных” на голубую ниточку тихой лесной реки. География заброшенных сёл и деревень, откуда ушла жизнь, практически повсеместно представлена, но особенно заметны ареалы “угасшей жизни” в Пошехонском, Любимском, Некоузском и некоторых других районах. По рассказам егерей, покинутые человеком строения становятся временным пристанищем в зимнюю пору волков и прочего лесного зверья. Следует заметить, что для сельской местности новым стала “изохрона сезонности”. В дачный период население определённой территории меняется не только в количественном, но и в качественном отношении. С полным основанием можно говорить и о сезонной географии расселения, хотя эта тенденция никак не отмечена картографически. В зимний период, напротив, сельские жители старших возрастов всё чаще “снимают угол” у родственников-

горожан.

А статистика по-прежнему показывает одну и ту же численность селян [10]. Во все времена сельский житель первым ощущал на себе все “прелести” административных, экономических, политических решений, преобразований, постановлений. А когда деревне жилось легко и вольготно?

В архивах области нам удалось обнаружить интересные статистические материалы, сохранившие гриф секретности довоенного и военного времени о сельской местности. Занимая в то время территорию в 62,3 тыс. кв. км, разделяясь на 36 административных районов с 906 сельскими Советами, 15 городами и 11 рабочими поселками, область постоянно перекраивалась. Происходила частая смена географических названий. И прежде всего центральные директивы направлялись в сельскую местность [6,7]. В конечном итоге эта “административная чехарда” была направлена на ещё более жёсткое управление сельским хозяйством в условиях “казарменного социализма”. Не только для истории, но и для географии интересны факты переселения в кратчайший срок части сельских жителей области в созданную Нижне-Амурскую область, переселение из будущей зоны Рыбинского водохранилища при минимуме государственной помощи местному населению.

Какою мерой измерить страдания сельских жителей, “мобилизованных” на лесоповал, торфоразработки вместе с прибывшими из Мордовии, Чувашии, Башкирии, Татарии? До сих пор в лесах Угличского, Тутаевского, Борисоглебского районов обнаруживаются следы противотанковых укреплений, окопов, на рытвё которых собирали прежде всего сельских женщин в годы Великой Отечественной войны. Ущемление в конституционных правах, большие налоги, значительные сельхозпоставки государству, нарушение паспортного режима – всё это в конечном итоге отрицательно сказалось на сельском укладе жизни, лишая предприимчивого, умелого крестьянина активной жизненной позиции. А чего стоила активно проводимая политика закрытия школ, больниц, фельдшерских пунктов, клубов в так называемых “неперспективных сёлах” в семидесятые годы! Не меньшую социально-экономическую придавленность испытывает сельская местность в сравнении с городской и сейчас, в годы “торжества демократических преобразований”.

Выдаваемые за положительные, сдвиги в демографическом развитии последних лет нам

представляются ошибочными. Они не учитывают двух факторов – административно-территориальных преобразований и миграционного прироста. Выполненная нами возраст-половая пирамида рельефно демонстрирует диспропорции естественного движения сельского населения (рис. 1).

Какие же демографические и социальные особенности, близкие к “коматозному” состоянию, удалось проследить нам на основе анализа статистики? Для сравнения возьмём городскую среду, по уровню урбанизации которой область уступает лишь соседней Московской.

Основные социально-демографические показатели за 1997 год, характеризующие сельское население области в сравнении с городским
Таблица 2

Показатели	Сельское население	Городское население
Доля (%) в общей численности населения	19,6	80,4
Смертность детей в возрасте до 1 года (на 1000 родившихся)	21,8	11,6
Смертность населения обоих полов в трудоспособном возрасте (на 100 000 населения)	873,3	638,6
Средняя продолжительность жизни (лет)		
мужчины	57,6	60,0
женщины	71,9	73,1
Заболееваемость (на 100 000 чел.) активным туберкулёзом	54,8	49,8
Смертность от инфекционных и паразитарных болезней (на 100 тыс. чел.)	18,8	12,8
Смертность:		
От болезней органов дыхания	50,1	27,0
От неестественных причин	357,0	250,9
От новообразований	115,5	94,0
От болезней системы кровообращения	239,4	178,9
От самоубийств	79,3	46,2
От алкогольных отравлений	76,5	52,4
От транспортных травм	48,7	23,9

По данным облкомстата Ярославль, 1998 [10]

Эти данные подтверждают кризисное состояние социальной сферы населения области и всё более усиливающийся разрыв качества жизни между селом и городом. Охрана здоровья на селе практически держится на энтузиазме медицинского персонала, иностранной гуманитарной помощи и природной стойкости сельских жителей к болезням. Так, если в 1976-1980 гг. были введены 53 больничных койки, то

в 1991-1995 гг. – всего 5, а между тем рост заболеваний, требующих больничного стационарного лечения, заметно вырос. Нет необходимости доказывать, что сельская природа врачует, в отличие от урбанизированной среды, но “всё меньше окружающей природы”, в том числе и в нашей области, и “всё больше окружающей среды”. Чем же тогда вызваны рост болезней органов дыхания, системы кровообращения, заболевание туберкулезом, появление

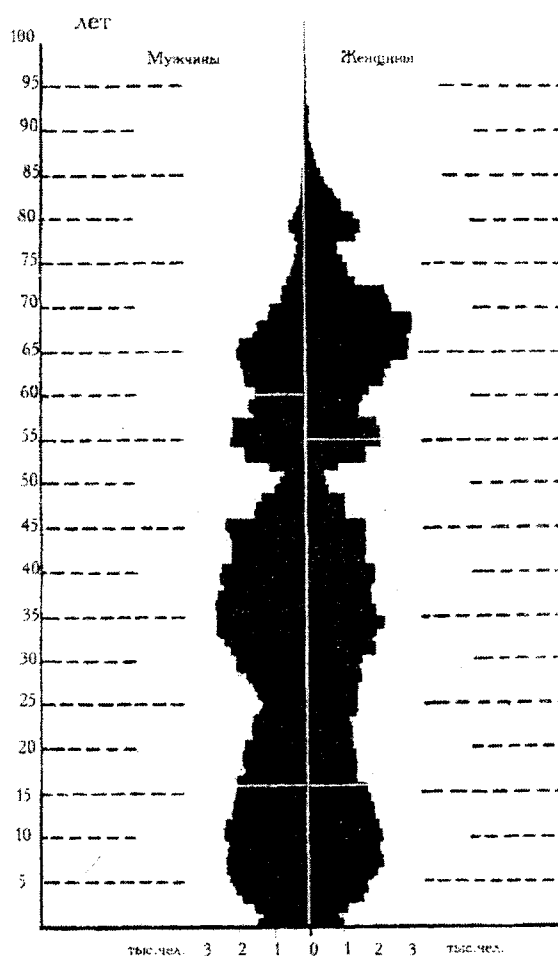

Рис. 1. Возрастно-половая пирамида сельского населения (1999 г.)
Составлено автором [7]

новообразований у сельских жителей? Нет сомнения, что это связано с явной запущенностью государственного здравоохранения. Несмотря на значительную промышленную, транспортную, шумовую, воздушную загрязнённость, городская среда имеет большие преимущества перед сельской местностью в плане охраны здоровья населения. Это связано со значительной плотностью медицинских учреждений как государственных, так и относящихся к частному предпринимательству.

Анализ возрастной структуры сельского населения показывает, что изменение идёт в двух направлениях: во-первых, снижается демографическая нагрузка детей на трудоспособное население, во-вторых, опережающими темпами растёт доля лиц пожилого возраста. С 1959 г. доля детей во всём населении снизилась в 1,4 раза при одновременном росте лиц старше трудоспособного возраста в 1,7 раза. Значительны территориальные различия соответствующих возрастных групп. К примеру, в Переславском, Пошехонском, Брейтовском районах доля детей снизилась примерно вдвое, в то же время доля старших возрастов, особенно в Брейтовском, Переславском, Тутаевском районах превысила этот показатель. Если в целом по области постарение сельского населения составило 29,2%, то в Пошехонском, Переславском, Некоузском районах оно составило 32,9%, а в Брейтовском даже превысило среднестатистическое значение по области на 10 пунктов [2, 6, 7].

Начиная с 1965 г., началась естественная убыль населения, достигшая почти 15%. В Пе-

реславском, Ростовском, Борисоглебском, Пошехонском районах она достигла угрожающей черты. Эти же районы имеют и очень высокую младенческую смертность, которая была характерна для области лишь в годы военного лихолетья (рис. 2 – рис.3). Сопоставление с некоторыми странами Африканского континента показывает аналогичную картину. По данным Международной организации здравоохранения, столь высокая детская смертность связана с тем, что многие матери голодают, страдают гинекологическими заболеваниями, повышенной инфекционной зависимостью детей, рождающихся с пониженным весом. Каковы причины сходной ситуации в азиатских, африканских государствах и ярославской деревне? Они – свидетельство весьма высокого социального неблагополучия в сельской семье (очень низкий уровень доходов, набирающая силу алкогольная зависимость на почве безысходности) и низкий уровень здравоохранения, также снижающий свои позиции. Преобладающим типом

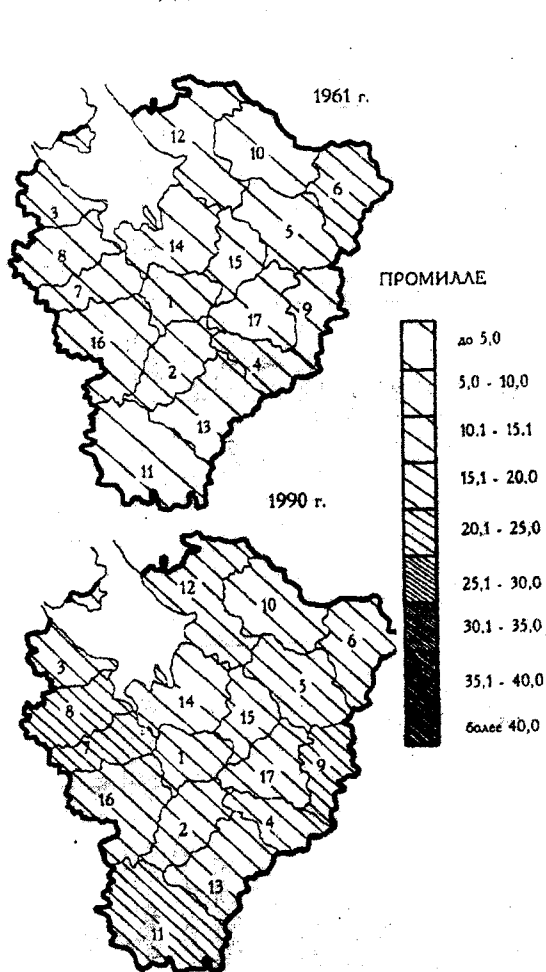

Рис. 2. Смертность сельского населения в 1961, 1999гг.
Составлено автором [7]

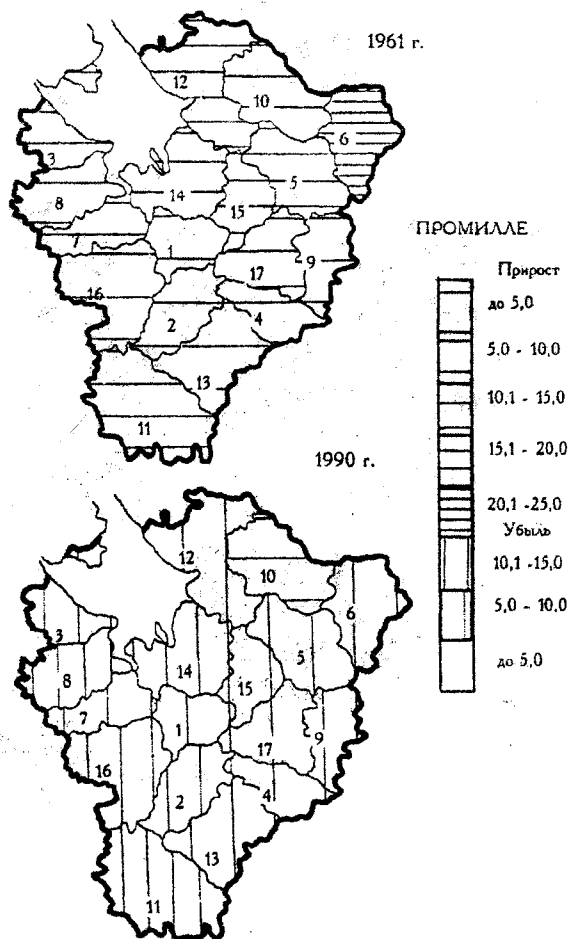

Рис. 3. Естественный прирост (убыль) сельского населения в 1961, 1999 гг.
Составлено автором [7]

является семья, состоящая из двух человек. Удельный вес семей из трёх человек сокращается. В ряде сельских администраций, напротив, отмечается увеличение среднего размера семьи до 4 и более человек. Такое явление наблюдается в Ростовском, Рыбинском, Любимском, Ярославском, Угличском и других районах, куда вселяются жители бывших советских республик Кавказа, Средней Азии.

Современная ярославская деревня – средоточие женщин преклонного возраста, вдов военной поры. Выравнивание соотношения между мужчинами и женщинами в трудоспособном репродуктивном возрасте связано с притоком вынужденных переселенцев, беженцев преимущественно мужского пола. Так, если в 1959 г. на тысячу мужчин приходилось 1379 женщин, что связано с последствиями Великой Отечественной войны, то в 1977 г. всего 1178 человек. Особенно выровнялась ситуация в Мышкинском, Первомайском, Ярославском, Угличском, Даниловском районах, где отмечается относительно высокий миграционный приток мужского трудоспособного населения [6, 7, 8].

Хотя брачность не имеет такого значения, как рождаемость, смертность, миграция в общественном понимании, в ней также отражается острота социально-экономического кризиса. Сокращение числа браков и увеличение числа разводов – общая тенденция современной России. Но в сельской местности нашей области нельзя не заметить интересную особенность. Относительно высокая брачность отмечается среди населения Брейтовского, Любимского, Большесельского районов, в которых более высокие морально-этические устои сельского образа жизни. Напротив, в Ярославском, Рыбинском, Переславском, Гаврилов-Ямском районах выше разводимость, что объясняется значительной социальной, транспортной подвижностью. Как правило, частота людских контактов в урбанизированной среде значительно выше, более заметно и влияние по линии “город-село” в сравнении с притяжением “село-село”.

Одной из причин демографического развития области является миграция. Исследование пространственного перемещения населения позволило нам выявить новые структурно-географические сдвиги. Прежде всего они касаются динамики населения, возрастнополового, национального состава. Девяностые годы характеризуются изменениями миграционного поведения населения. По данным Цен-

тра демографии и экологии, в начале 1989 г. за пределами Российской Федерации проживали 25,3 млн. русских, в том числе половина из них в неславянских республиках [9]. Но если представители титульной национальности стремятся обосноваться в городской местности, то выходцы из Молдовы, государств Закавказья, Средней Азии и Казахстана расселяются преимущественно на селе. Заброшенные селения, оживают, как правило, в весенне-летний период подъёма миграционного притока. При относительном сокращении доли русских, украинцев, белорусов возрастает доля других, неславянских народов. Наметились и своеобразные ареалы национального расселения армян (Ростовский район), азербайджанцев (Первомайский район), цыган, чеченцев (Ярославский район), курдов (Гаврилов-Ямский район). Внутренняя миграция свидетельствует о тяготении населения к старообжитой территории Ярославского Нечерноземья, причём, как показывают статистические данные, это тяготение усилилось с переходом экономики к рыночным отношениям. Темпы вынужденной миграции, рассмотренной нами в ряде как отечественных, так и зарубежных публикаций, показывают, что Ярославская область подошла к предельному порогу своих возможностей обустройства и расселения мигрантов [1,3,4]. Отмечается и довольно скромный вклад населения нетитульных национальностей непосредственно в сельскохозяйственное производство в противовес коммерческой деятельности. Возможно, эти навыки предпринимательства целесообразно использовать в развитии инфраструктуры “зелёного” туризма.

Практически все районы увеличили свою численность за счёт беженцев, вынужденных переселенцев и миграционного обмена с определёнными территориями. Хотя и не так заметно, но можно увидеть на выполненных нами картах миграционной подвижности ареалы притяжения вокруг Ярославля, Ростова Великого, Переславля – Залесского, Рыбинска, Данилова. Вместе с другими сельскими точечными поселениями они составляют своеобразный “срединный меридиан” области.

Несмотря на внешний приток населения, возрастнополовая структура сельского населения остаётся крайне неблагоприятной. Тяжёлые условия труда в сфере животноводства и растениеводства, низкий уровень механизации (более половины женщин занято ручным трудом), значительное отставание социально-бытовых условий способствуют оттоку молодёжи в го-

родскую местность. Дефицит невест на селе связан не только со сложившимися особенностями возрастано-половой структуры, но и отмеченными социальными условиями. В Пошехонском и особенно в Брейтовском районах в молодежной среде значительно преобладают юноши.

Не останавливаясь подробно на ситуации, складывающейся в сети школьного образования, что может быть предметом особого изучения, укажем лишь на её главные направления. Как по числу образовательных школ всех видов, так и по контингенту произошли серьёзные негативные изменения. Если в 1960 г. в сельской местности насчитывалось 1289 школ, обучавших 84,2 тыс. детей, то в 1997 г. эти показатели уже составили соответственно 382 и 36,7 тыс. Надо заметить, что сюда вошли данные по ряду городских поселений, преобразованных в сельские, в частности, Варегово, Брейтово, Кубринск, Купанское, Большое Село, Берендеево, Новый Некоуз и других. В 1991–1995 гг. по решению органов исполнительной власти 8 рабочих посёлков, отнесённых к категории сёл, подняли численность сельского населения на 22,6 тыс. чел. Катастрофически мельчают и редкуют эти “гнезда” школьного образования и воспитания. Закрытие ряда малочисленных и начальных школ, как правило, сохранивших остатки бывшего природного величия (бывшая дворянская усадьба, храм, лесной массив) по экономическим, демографическим причинам ведёт к разрушению исторически сложившейся природно-культурной среды. В сложившейся ситуации сельская школа могла бы выжить, объединившись, по нашему мнению, в одно целое с дошкольными учреждениями [5]. Выполненная нами картосхема сети общеобразовательных сельских школ области в начале девяностых годов (по данным департамента образования правительства Ярославской области) на сегодняшний день уже требует некоторых корректив.

Как видим, тяжёлое социально-экономическое положение, в котором оказалось и сельское население, отсутствие должного внимания к его проблемам сильно отразились на демографическом развитии. К 2000 г. в Ярославской области будет предположительно проживать 1 млн. 423 тыс. чел., в том числе в сельской местности – 275 тыс. чел. [8]. Глубокая трансформация сельского населения, составлявшего в 1897 г. 87% от всего населения губернии, реально поставила вопрос о его праве на существование в конце XX века. Только

кардинальное изменение приоритетов в социально-экономической концепции развития области в XXI веке может дать агонизирующему ярославскому селу надежду на выздоровление. А пока на рубеже веков Ярославское Нечерноземье «набирает обороты» естественной убыли. Не исчезай бесследно, село ярославское!

Литература

1. Emelyanov A. (Yaroslavl, CIS) Cartographic approach to the study of refugee problem in former USSR. – Proceedings Volumes for the participants of the 6 th International Cartographic Conference Cologne / Koln 1993. S. 172-178.
2. Емельянов А. С. Область набирает обороты естественной убыли // География. Приложение к газ. Первое сентября. 1994. № 10.
3. Емельянов А. С. География вынужденной миграции населения в Россию // География в школе. 1994. № 5.
4. Emelyanov A. S. (Yaroslavl, Russia) A cartographic and graphic Interpretation in the study of refugee problem in Russia. – Proceedings Volumes for the participants of the 17th International Cartographic Conference Barcelona, Catalunya / Espana. 1995. S. 2717 – 2724.
5. Емельянов А. С. Развитие малокомплектной школы в условиях депопуляции сельского населения Ярославской области // Материалы Всероссийской конференции “Педагогические инициативы и сельская малокомплектная школа”. Орёл, 1995.
6. Емельянов А. С. История административно-территориального деления и демографическое развитие Ярославской области за 60 лет (1936-1996 гг.)
7. Емельянов А. С., Лузина С. А. Демографические процессы в Ярославской области за 60 лет. Ярославль, 1996.
8. Емельянов А. С., Лузина С. А. Демографические процессы в Ярославской области за 60 лет // Вопросы статистики. 1997. № 11.
9. Население России, 1997. Пятый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А. Г. Вишневский. М., 1998.
10. Сельское население Ярославской области. Ярославль, 1998.